

ПОНИМАНИЕ «ВЕХ» — СПЛОШНОЕ НЕДОПОНИМАНИЕ

Денис Драгунский

Денис Драгунский —
главный редактор журнала
«Космополис»

Проектно-идентификационные посылки, а также разбор неудачных полетов сегодня дело самое обыкновенное. Уже два десятка лет русская интеллигенция чуть ли не еженедельно собирается и размышляет о судьбах отечества под магнитофонную запись. Потом появляются сборники с названиями типа «Россия на перепутье» или «Либералы и власть». Веховцам влетело, как любым пионерам. «Как они посмели?» Задумываются о своей позиции вне герценовско-чернышевско-михайловских рамок? Кто позволил? Но если серьезно, какое ренегатство, о чем разговор? Император даровал подданным свободу выражать убеждения за четыре года до «Вех», а ведь свобода неделима. Она включает в себя свободу не только от Третьего отделения и Священного синода, но и от обрыдшего «на прогрессивных-реакционных расчитайсь!». Авторы «Вех» мог назвать ренегатами тот, кто уже определил интеллигенции служебную роль в собственных политических планах. Но и этот человек в другое время сказал: не ругайте людей за то, чего они не дали по сравнению с нашими нынешними представлениями; оцените их за то, что они дали нового по сравнению с прежними воззрениями.

Веховцы скинули с интеллигента (даже с либерального) ярмо обязательной революционности и левой политической ангажированности. Они отказались «слушать музыку революции» с зажмуренными глазами и заранее млея от восторга. Уже в этом их огромная заслуга.

Веховцы обратили внимание на важнейшее: общество нельзя понять (а тем более переустроить) исходя только лишь из интересов (особенностей, структур) общества. Кстати, печально знаменитая статья Гершензона «Творческое самосознание» — именно про это. Стремление интеллигента к «общественности», пренебрежение индивидуальным, внутренним опытом, пренебрежение своей, а значит, и чужой личностью превращает его в злобного сектанта. Как быть с «ужасной фразой» Гершензона? Это всего лишь проекция страха образованного сословия перед народом — особенно после эксцессов революции 1905—1907 годов.

Народ вряд ли задумывался об интеллигенции, вряд ли рационализировал отличие собственного народ-

ного «я» от «я» интеллигентского. Другое дело — сам интеллигент. Было чего бояться — не конкретно, поскольку погромы и жестокости относились к своему брату бедняку и селянину, — а так, вообще. Страшно жить в одной стране с таким народом. «Но где же — наконец — тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века? В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и не нашел его... Литература народолюбцев служила целям политической агитации и поэтому идеализировала мужика.

XIX—XX столетий: начиная с Карамзина и кончая Львом Толстым народ виделся как средоточие всех добродетелей, утраченных (якобы) образованным классом. Но уже в 1870-х (по печальным результатам «хождения в народ») начался «великий откат». Так что не следует приписывать фразе Гершензона слишком большое значение и тем более буквальный смысл. На самом деле ее следует читать так: «Мы, интеллигенты, должны поблагодарить наши ментальные стереотипы и наше чувство приличия, которое предостерегает нас сказать про народ то, что скажет Горький в 1922 году — что народ на самом деле есть сборище полудикаких, глупых, тяжелых людей».

У нынешней интеллигенции нет никаких оснований бояться «ярости народной», но есть существенные основания бояться суда собственной совести

У нынешней интеллигенции нет никаких оснований бояться «ярости народной», но есть существенные основания бояться суда собственной совести

личной свободы, справедливости и милосердия. Макс Шелер писал об этом примерно так (пересказываю по памяти): «Если мы согласны с моральным абсолютом, то мы можем рассматривать конкретные морали времени и места как нечто относительное, изменчивое, исправимое. Если же мы откажемся от морального абсолюта, то станем расценивать сиюминутное и местное как вечное и всеобщее, и это заведет нас в тупик, в войну, в нетерпимость». Собственно, **веховцы искали абсолютные критерии и были за это освистаны; но поле боя осталось за ними, а не за сторонниками сиюминутной целесообразности.** Будет хорошо, если это поймет русская «Интеллигенция III», которая только складывается сегодня. ■